

Иоанно-Предтеченский собор. 1899

**ПУГАЧЕВ
(НИКОЛАЕВСК)**

СТАРООБРЯДЦЫ НА ИРГИЗЕ

Юрий Каргин

Первым раскольников, облюбовавшим уединенное место недалеко от села Криволучье, стал монах Авраамий. По одним сведениям, он был родом из простых крестьян Казанской губернии, по другим — самарский казак, бежавший на Ветку (центр старообрядчества до 60-х годов XVIII века: тогда — территория Польши, теперь — Беларусь), а потом, после известного Указа Екатерины II 1762 года, разрешившего старообрядцам переселиться в Поволжье, пришедший на Иргиз.

К тому времени по берегам этой извилистой и по весне полноводной реки уже успели расселиться многочисленные группы старообрядцев. Иргиз ими был выбран не случайно. Богатые леса вдоль него издревле привлекали внимание кочевников как удобное место для стоянок и временных жилищ. Потом здесь жили татары. А еще позже — в XVII — первой половине XVIII века — разбойники, скрывавшиеся от гнева государства и частенько совершавшие набеги на волжские торговые караваны, благо Иргиз впадал в Волгу и добраться до разбойничьей кормилицы не составляло труда. Особенно прославились иргизские атамаңы Треня Ус и Максим Дутая Нога. Так что раскольники поселились на

В начале XIX века на Иргизе существовало 5 старообрядческих монастырей.

Первые монахи появились в этих местах в 1762 году, после известного указа Екатерины II, разрешившего старообрядцам из Польши селиться в Поволжье. За какие-то 30 лет монастыри стали центром раскола в России, и сюда, в «царство иноков», стекались поклонники старой веры со всей страны. Взлет иргизских обителей в конце концов привел их к падению. Советская власть, рьяно борющаяся с религией, не могла терпеть этот рассадник инакомыслия и прогнала монахов, поместив в эту глушь несчастных с психическими отклонениями.

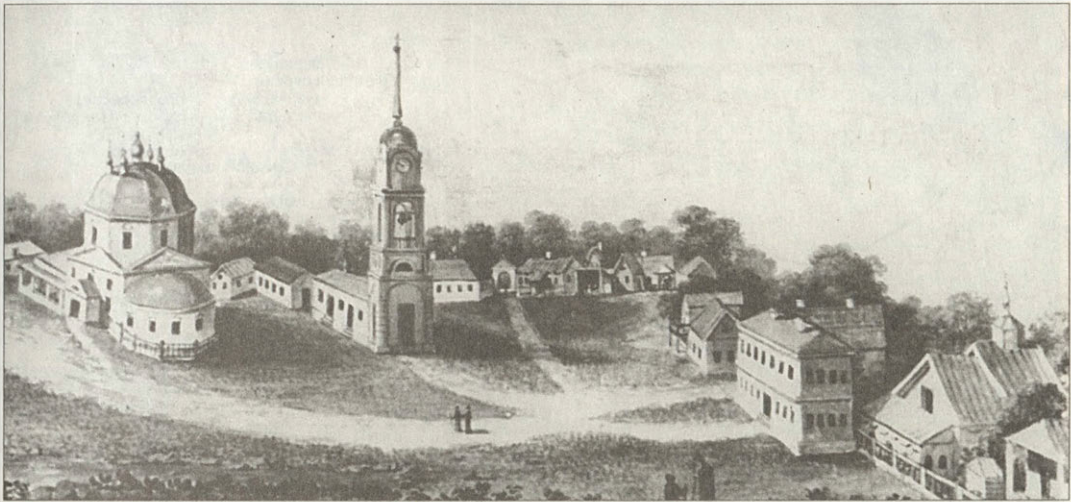
местах, можно сказать, обжитых.

Но Авраамий, с которого, собственно, и началось это повествование, все-таки

предпочел уединение и устроил скит-землянку в четырех километрах от старообрядческого поселения на небольшой возвышенности у Иргиза. Скоро к отшельнику присоединилось еще несколько человек. Они вели строгую аскетическую жизнь, чем снискали почтенное уважение окрестных раскольников. Миряне приходили в Авраамиев скит к старцу за поучением и объяснением правил отшельнической жизни, а некоторые просили, чтобы он или окрестил младенца, или благословил молодых, или совершил еще какой-либо присущий староверам духовный обряд.

Людей хаживало сюда немало, и поэтому иноки решили построить церковь. Авраамий не дождал окончания строительства. Храм был воздвигнут его преемником — старцем Адрианом, а освящен при другом настоятеле монастырской обители — иноке Прохоре — 15 августа 1787 года. Иконы для церкви писал в Твери уважаемый раскольниками иконописец Иван Пешехонов.

Это была не первая старообрядческая церковь на Иргизе. За несколько лет до нее монах Сергей (в прошлом сын московского купца Симон Петров Юршев) построил храм в Исакиевском ските (впоследствии — Верхне-Успенский

Иргизский монастырь
Рисунок начала XIX века

монастырь), основанном недалеко от слободы Мечетной (ныне — Пугачев), примерно в то же время, что и Авраимев. Сергей был самым даровитым монахом среди раскольников и имел огромное влияние на все иргизские монастыри. Его называли «строителем», потому что благодаря его активной деятельности монастыри сделали крупным центром раскола, а участие Сергия в Московском соборе 1779–1780 годов еще более упрочило их положение. При «строителе» в иргизских монастырях установился определенный внутренний порядок, и утвердились законы монастырского общежития.

Однако к концу XVIII века в монастырях стали поговаривать о единоверии, проще говоря, слиянии старообрядчества с православием. И проповедником этих настроений, как ни странно, стал сам Сергей. Против него выступил настоятель Нижне-Воскресенского монастыря Прохор. «Свалить» Сергия ему не составило труда. Сергей по-

терял свою власть, принял единоверие и удалился из «раскольниковского гнезда», а Прохор занял над монастырями верховное положение.

Начало его деятельности, как главы, совпало с восхождением на престол Павла I, который лично был благорасположен к Прохору. Рассказывали, что последний был сыном богатого вольского купца, обладал значительными богатствами и якобы нередко ссужал деньгами наследника престола, который получал от своей матушки-императрицы очень незначительное содержание. Павел, став императором, не мог не отблагодарить своего бескорыстно кредитора.

Впрочем, загадочная личность Прохора порождала среди раскольников и много других слухов. Одни говорили, что он был сыном не простого купца, а грузинского царя, другие уверяли, что он сын самой Екатерины II. А по поводу его появления в Авраимевом скиту и вовсе ходила целая легенда.

Якобы однажды богатый саратовский купец Калмыков, имевший большие обороты хлебом по разным местам России, отправил со своим сыном Петром большой караван с хлебом на Урал. Недалеко от Урала на калмыковский обоз напала какая-то кочевая орда, отбив весь хлеб и утерпев купеческого сына. Но в скором времени после распространившегося слуха о смерти Петра, в Саратов к самому Калмыкову явился какой-то человек и объявил себя его сыном, которого, по разговорам, убили: мол, на самом деле его взяли в плен бухарцы, и он бежал при первой же возможности. Затем он выпросил у своего мнимого отца разрешение на пострижение в монашество, ссылаясь на то, что еще в плену дал себе клятвенный обет, что в случае избавления и сохранения жизни примет монашество. После этого Петр отправился на Иргиз, остановился в Авраимевом скиту и здесь постригся под именем Прохора. В действительности время появления

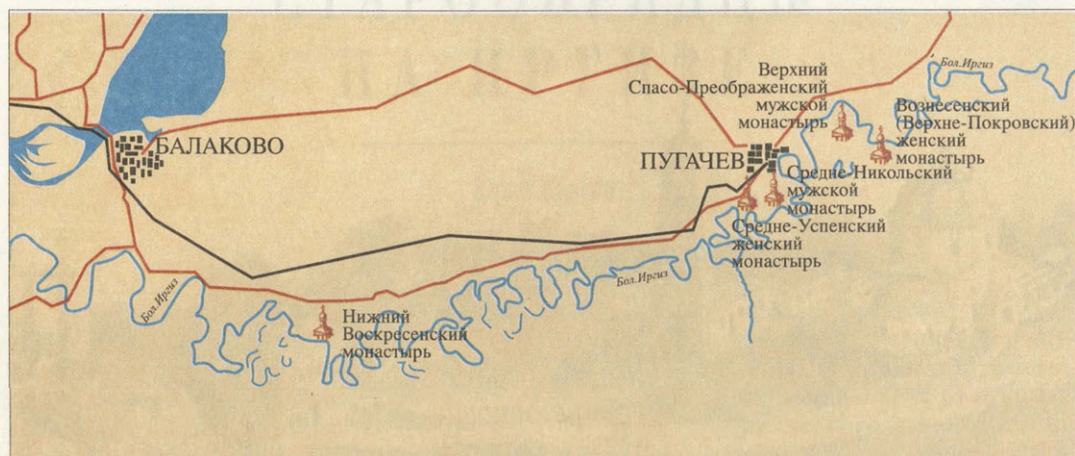

Схема расположения старообрядческих монастырей на Большом Иртызе

Прохора в скиту неизвестно. Несомненно только то, что в 1787–1788 годах он уже был настоятелем Авраамиева скита, участвовал здесь при освящении Воскресенской церкви, построенной, по предположению, на средства, полученные Прохором от отца.

Ну, а благорасположение Павла I проявилось в том, что в 1797 году он отправил в иргизские монастыри своего ближайшего вельможу, действительно статского советника Рунича, в качестве посла. Благодарные монахи послали императору письмо-заверение в верноподданничестве его величеству.

А вскоре последовал Высочайший указ, освобождающий иргизских монахов от рекрутской повинности. Тем самым беглому монашеству на Иргизе была оказана правительственная поддержка.

Чуть позже Прохор добился того, что земли, занятые монастырями, были выделены в особую часть при начатом генеральном размежевании земель в Саратовской губернии и отданы монастырям в вечное

Монах и монахиня — беглопоповцы
Рисунки начала XIX века

владение. Это распоряжение после смерти Павла подтвердил и Александр I.

Это указание было важно для всего раскола не только из материальных выгод, но и в нравственном смысле как признание за иргизскими монастырями такого же права на существование, какое имели монастыри никонианские. После этого наступила пора самого блестящего процветания раскольников Иргиза.

Всего монастырей было пять: два мужских и два женских — вокруг слободы Мечетной и у озера Калач, и один — мужской, Нижне-Воскресенский — у Криволучья и озера Монастырское.

Внешний вид монастырей, большей частью, представлял форму правильного четырехугольника. Вокруг него обыкновенно строился довольно высокий деревянный забор или стена с каменными столбами. В центре возводили церковь или часовню, а вокруг них с трех, а то и с четырех сторон правильными рядами шли кельи в два или три порядка.

В церкви было много икон древнего письма, относящихся к XIII–XVI векам.

Почти все, что осталось сегодня
от Средне-Никольского старообрядческого монастыря
близ города Пугачева

Большинство из них было либо унизано жемчугом, либо покрыто серебряными вызолоченными ризами. Немало имелось и других драгоценностей. Чего стоило хотя бы медное, но густо высеребрянное шестиярусное паникадило с 54 подсвечниками и общим весом 18 пудов, висевшее посреди церкви Нижне-Воскресенского монастыря.

Иргиз быстро стал для раскольников такой же святыней, как Афон для православных. Сюда, в «Царство иноков», по выражению раскольников, шли и шли паломники, чтобы не только насладиться благолепием храмов, но и послушать ангелоподобное пение. Здесь же, как на месте, указанном самим Богом, по уверению иргизских монахов, хранились нетленные мощи святых отцов

Исакия и Асафа, от которых больные получали исцеление. Но что особенно было важно для старообрядцев, так это то, что на Иргизе, даже в самое трудное для раскола время, никогда не оскудевало «священство»: отовсюду сюда стекались беглые православные священники.

Однако бурный расцвет иргизских монастырей способствовал их не менее бурному падению.

В первые годы своего развития Иргиз был символом аскетизма, благочестия и истинной веры. Но со временем монахи, избалованные вниманием царей и богатых купцов-старообрядцев, перестали придерживаться богоугодных принципов.

В монастыри принимали всех без разбора. Здесь никого не интересовало твое

прошлое, никто не спрашивал никаких документов. Назовись Адрианом — так оно и будет; хочешь быть Феодором — пожалуйста. Так что если нужно было скрыться от закона, прямая дорога — в монастыри. Места глухие, от властей далеко, представители закона заглядывали очень редко. Благодаря обширным связям и большим богатствам иргизские монастыри всегда имели возможность отстранить от себя случаи полицейских набегов или могли содержать контрполицию иногда даже в самой полиции. Застать врасплох тех, кто незаконно проживал в монастырях, было практически невозможно. Под кельями обычно устраивались помещения с подземными галереями, которые вели далеко за монастырскую ограду, в чащу

леса. А там их ждали потаенные места на монастырских хуторах, пчельниках, мельницах, скотных дворах.

Особенно с распростертыми объятиями здесь принимались беглые православные священники. Снисхождение к ним доводилось до полного послабления, и потому в монастыри удавалось иногда поступать в качестве попов и дьяконов либо расстригам, либо совершенным самозванцам, никогда не имевшим священнического сана. А причина бегства тех, у кого он все-таки был, вообще никого не интересовала. Хотя кое-кто из них «прославился» или своим корыстолюбием, или нетрезвой жизнью и распутным поведением, что делало этих священников нетерпимыми в их православных приходах. Словом, выбирать не приходилось, потому что потребность в священниках была очень велика ввиду многочисленности монастырских жителей и громадного количества окрестных раскольников, принадлежащих к их согласию и обращавшихся к ним по случаю разного рода церковных требоисправлений.

Духовенство, кстати, даже к братии монастырей не относилось. Они редко жили со своими семьями в самом монастыре. Их размещали вне обители, обеспечивая помещением, дровами, хлебом и другими предметами первой необходимости, оплачивая по два рубля за каждую отслуженную литургию и отдавая им третью часть доходов от других церковных служб. Это ощущение полной своей безнаказанности и попустительства со стороны монастырского руководства при-

вело к тому, что многие монахи стали грешить направо. Иргизский старожил в своих «домашних записках» замечал: «За Волгой для кузнецов недоставало углей на ковку цепей, в которые заковывали нетрезвых и буйных иноков и попов, а в кабаках — вина по причине сластолюбия наших скитников, кои подражая в сластолюбии мусульманам относительно их гаремов, подобно им, и свою религиозность соблюдали».

Способствовало распространению разврата и соседство мужских и женских монастырей. Настоятель Средне-Никольского монастыря иеромонах Арсений писал: «Незаконные связи монахов с монахинями и всегдашнее их вместе пребывание не поставляли в зазорную жизнь; всякие праздники монахини и послушницы бывают в мужском монастыре под предлогом богомолья. И позволяют себе ночевать в кельях общих с монахами, а клирошанки — у клироских и угощались пьянством в непомерной степени, а потом монахи с клиросскими, наоборот, в женском монастыре без всякого зазора и днем и ночью. Многие монахи были женаты и имели своих жен в монастырях».

А монахи Нижне-Воскресенского (Криволучского) монастыря ходили в соседние раскольничьи поселения, так как женского монастыря поблизости не было. Быстрое и легкое обогащение монастырей привело к тому, что всякий труд в них перестал пользоваться уважением. Несмотря на то, что у монастырей были свои пчельники и большие сады, да и продуктовых

подношений собиралось немало, монахи питались скудно. Это привело к тому, что у большинства монастырских жителей появилось собственное, отдельное от монастыря хозяйство, и в выходные и праздничные дни на территории монастырей устраивалось что-то напоминающее базар, где продавались такие запрещенные предметы и продукты, как чай, сахар и самовары. Некоторые монахи даже держали табак.

Однако беспутство, невоздержание и несоблюдение законов монашества не ухудшили отношение окрестных жителей к монастырям. Последние по-прежнему оставались религиозной святыней, посещение которой считалось для многих священной обязанностью. Но правительство думало совсем по-другому, и в конце 20-х годов прошлого столетия был поставлен вопрос о присоединении монастырей к православной церкви на началах единоверия.

Первым, кто всерьез занялся Иргизом, стал саратовский губернатор князь Голицын. В 1828 году он со свитой отправился с инспекцией по монастырям. Самой ближней была Нижне-Воскресенская обитель. В ней-то губернатор и сделал остановку. Он объявил инокам высочайшую волю императора о присоединении старообрядческих монастырей к единоверию. Как ни хотелось монахам послушаться, они были буквально приперты к стенке. Нижне-воскресенцы прекрасно понимали, что властям достать до них легче легкого, потому что их монастырь был ближе остальных. И им пришлось согласиться с «предложением»

князя Голицына и подписать необходимые бумаги. Тем самым они навлекли на себя гнев других монастырей и старообрядцев соседних поселений. Как писал впоследствии Голицын, «в стекшемся народе из соседственных селений, Мечетного и Криволучья, приметен был дух беспокойства и даже буйства, по случаю тому, что им было известно соглашение иргизских настоятелей к принятию единоверческой церкви».

Особенно активными были крестьяне села Криволучье Починков и Демихин, у которых тайно собирались сходки для того, чтобы возмутить других удельных крестьян.

Но все старания сохранить веру были напрасны. Чтобы окончательно добить в иргизской коммуне всякую возможность снова подняться на ноги, велено было всю молодежь, годную к военной службе, отдать в солдаты, негодных сослать на поселение, а мальчиков записать в военные кантонисты («солдатские сыновья»).

На Иргиз был командирован чиновник особых поручений Полонский, который должен был оформить передачу монастырей в ведомство губернского начальства, что и сделали за один месяц.

Однако окончательное уничтожение иргизских монастырей произошло позже. Старообрядцы сопротивлялись как могли. В народе появились фальшивые указы о дозволении строительства раскольничьих часовен и беспрепятственного отправления в них богослужений по старой вере. На этом указе раскольники построили целую сис-

Река Большой Иргиз
возле Средне-Никольского старообрядческого монастыря

тему пропаганды и противодействия миссионерам — проповедникам православия и единоверия. Пропагандистов секли розгами, сажали в острог, ссылали, но вместо них появлялись новые, и Поволжье бурлило непрерываемыми смутами.

В марте 1837 года эстафеты принесли саратовскому губернатору известие, что 27 тысяч раскольников готовятся к бунту. Из Петербурга пришла бумага «действовать силой с употреблением воинских команд». В Николаев (Пугачев) прибыли две артиллерийские команды из Хвалынска и Вольска и две вооруженные роты местных войск из Саратова. Оттуда вся эта армия отправилась в Верхне-Преображенский монастырь. Там их встретило около 20 тысяч женщин и детей. Сами иноки отсиживались в монастырях. Вместо пуль на собравшихся пустили воду из пожарных труб. Все смешалось... Старообрядцы обратились в бегство. Сопrotивляться решились немногие. Наиболее упорных, более 1700 че-

ловек, связали и отвезли в Николаев. За несколько часов все было кончено. Раскольники вынуждены были покориться.

Но и этот погром не стал решающим. Верхние иргизские, мужской и женский, монастыри просуществовали как старообрядческие еще четыре года. «Солнце православия» закатилось 28 мая 1841 года, когда очередной саратовский губернатор Фадеев, войдя в монастыри вместе с чиновниками и войсками якобы для переговоров, обманом завел всех иноков в церковь и объявил их единоверцами. А чтобы старообрядческая святыня потеряла всю свою прежнюю святость, саратовский архимандрит Платон на глазах изумленных раскольников окропил церковь святой водой.

И все же, несмотря на то что монастыри стали единоверческими, старообрядцы оставались преданными своей вере. Особенно много их было в Балакове. И только Советская власть поставила последнюю точку: старообрядчество «забылось» на десятилетия.